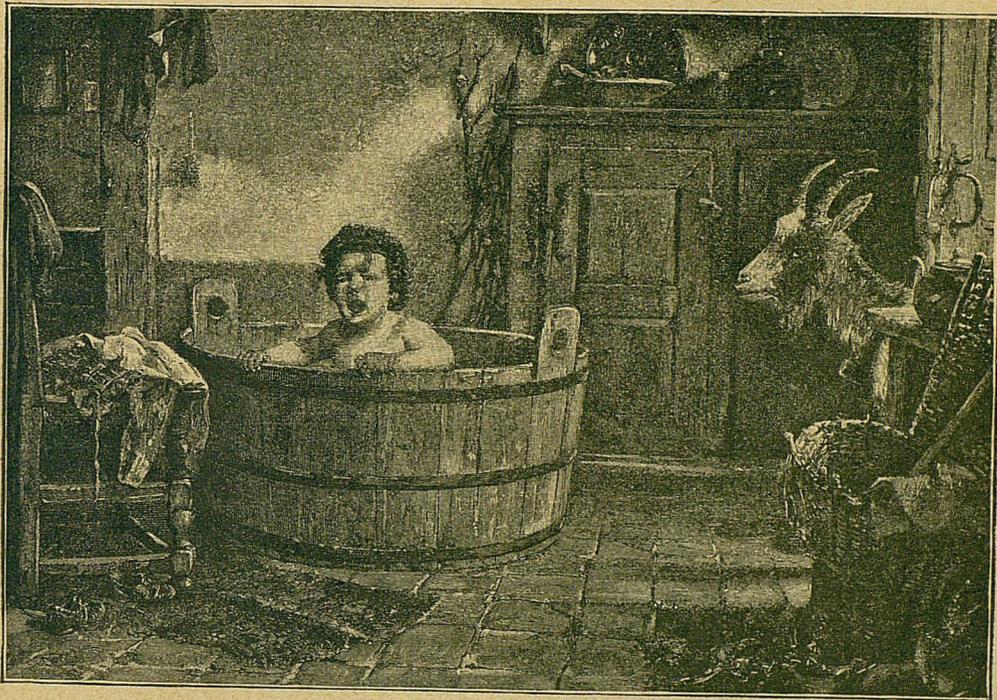

Свѣтлячокъ

1904 г. • годъ III. • № 12

Государственная
Библиотека
С
им. В. И. Ленина

✧ ОЙ, ЖУТКО!.. ✧

Въ водѣ по горло
Сидитъ Гришутка;
Ему тамъ жутко,—
Дыханье сперло...
Одинъ въ лохани,—
Въ водѣ, раздѣтый,

Безъ доброй няни,—
Геройство это!..
Вдругъ настѣжь дверка,
Топъ-топъ — копыта...
То козликъ Сѣрка
Пришелъ, сердитый,—

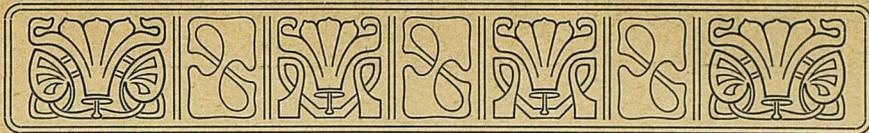

Козель рогатый,
 Козель бодатый,
 Трясетъ бородкой,
 Какъ франтъ завзятый...
 Ой, ой, какъ жутко
 Гришуткѣ стало, —
 Дразнилъ онъ шуткой,
 Козла не мало...
 И — въ слезы Гриша...
 Не плачь, дружище, —
 Струхнулъ козлище,
 Тебя услыша, —
 Глянь, какъ онъ скачетъ:

Топъ-топъ копытца...
 Онъ самъ дивится,
 Что Гриша плачетъ:
 „Не тронулъ рожками,
 „Не топалъ ножками,
 „Я не дразнился,
 „Я не брыкался, —
 „И, въ свой чередъ,
 „Онъ цѣль остался,
 „А слезы льеть!“...

Ткачъ Рснова.

Попутчица.

ВЕЧЕРЬЛО, и пора было ѣхать на балъ. Двѣ шпанскія мушки — графъ Трръ и его жена графиня Прръ—были уже готовы. Роскошно одѣтые, въ ярко-зеленые съ золотистымъ отливомъ костюмы, они все еще стояли передъ каплей росы и любовались на себя, словно въ зеркало... А графъ такъ залихватски закрутилъ свои усы, что могъ ими почесать себѣ спинку. Какая-то крохотная мошка мохнатой лапкой усердно полировала ихъ надкрылья и восторгалась вслухъ:

— Какой костюмъ! Ахъ, какіе усики!

— Ну, ѣдемъ!—молвилъ графъ Трръ и съ достоинствомъ вышелъ на крыльцо.

Крапаль дождь. Луны не было видно за тучами. Карета была готова,—вся изъ воску,—чудо что такое! А запряжена въ нее была улитка. Все-таки, собираясь въ гости, надо было показать себя. Не летѣть же на своихъ крыльяхъ въ гости,—это, знаете, неловко!..

— Нда!—промычалъ графъ,—но когда же мы такимъ образомъ доѣдемъ!

— Тише ѣдешь, дальше будешь,—глубокомысленно сказалъ кучеръ-жучокъ...

Вы никогда не ѣздили въ восковыхъ каретахъ между травинками? Это ужасно неудобно.

Во-первыхъ, качаетъ ужасно; отъ малѣйшаго зернышка каретка готова опрокинуться; а ужъ если наѣдешь на корешокъ,—пиши пропало; графъ нѣсколько разъ вываливался въ окошко, но хорошо, что у него было шесть ногъ, и улитку догнать было немудрено...

Дождь пересталъ; выглянула луна.

— Чудесно! — сказалъ графъ, усаживаясь въ карету послѣ третьяго паденія въ окошко.

— Ахъ, я боюсь разбойниковъ!..—сказала графиня.

— Пустяки!.. Во-первыхъ, луна; во-вторыхъ, подъ каждымъ листкомъ свѣтлячки съ фонариками сидятъ... Да и...

— Стой!.. Стой!..—завопилъ вдругъ чей-то жалобный голосокъ. Улитка остановилась.

— Что такое? — крикнулъ графъ и вывалился въ окошко.

Оказалось, что наѣхали на божью коровку и помяли ей крыло.

— Какъ же мнѣ быть теперь? — хныкала она.—Возьмите ужъ меня съ собой...

— Намъ и такъ тѣсно!—проворчалъ графъ.
—Зачѣмъ же вы развалились на дорогѣ?..

— Да гдѣ тутъ дорога? — плакала божья коровка. — Сами-то вы зря ѣдете, поди, и не знаете куда!..

— Какъ не знать?.. На балъ ѣдемъ... къ мухомору, что у кривобокаго муравейника, подь обожженной елью...—огрызнулся кучеръ.

— О!.. Ну, и мнѣ туда же... Я и дорогу покажу... Мы тамъ поварамъ помогаемъ.

II.

БОЖЬЮ коровку пустили, но съ неохотой; графъ тотчасъ сталъ придирается къ ней:

— Тише, вы мнѣ отдавили лапку!.. Вы мнѣ сѣли на крыло, сударыня!..

Но все бы это было ничего, если бы божья коровка не вздумала умываться...

Это уже ни на что не похоже!.. Графъ хотѣлъ, было, выкинуть ее въ окошко, какъ вдругъ страшный свистъ такъ поразилъ его, что онъ самъ вывалился въ окно каретки...

Улитка стояла на мѣстѣ.

— Стой!—загремѣли голоса.—Кто ѣдетъ?

— Графъ Трръ съ графиней Прръ на балъ подь мухоморъ, у кривобокаго муравейника, подь обожженной елкой...

— О, его-то намъ и надо!..— отвѣтили голоса.

— Да кто вы?— кипятился графъ.

— Старый кузнечикъ да жукъ, а вообще мы — разбойники, — благодушно сказалъ огромный кузнечикъ съ дубинкой на плечѣ. — А это жукъ-могильщикъ въ придачу, да не одинъ, а цѣлыхъ два!.. Хо, хо, хо!.. — и онъ захохоталъ такъ страшно, что у графа задрожали всѣ шесть лапокъ, и усики повисли внизъ.

— Добрые разбойники, — сказалъ бѣдный графъ Трръ дрожащимъ голосомъ, — у насъ ничего нѣтъ, и вы ужъ лучше отпустите насъ.

Но кузнечикъ - гигантъ ухватилъ его за усики и потащилъ, было, въ кусты земляники, какъ вдругъ тихій голосокъ остановилъ его.

— Господинъ разбойникъ, — робко сказала божья коровка, — такъ пугать графа нельзя: они захворають отъ страха. А они добрые, — они переѣхали меня каретой, сломали мнѣ крылышко, но посадили съ собой въ карету... Вы ужъ лучше меня возьмите, а ихъ... не троньте!.. Я человекъ простой, баба деревенская, — живу гдѣ попало, работой себя кормлю.

— А какой намъ въ тебѣ прокъ?

— А такой, что я для вашей милости вотъ какъ разстараюсь. Сведу я васъ на кухню,

ВОТЪ КЪ ТѢМЪ ГОСПОДАМЪ, куда они ѣдутъ, и тамъ намъ пожива будетъ не малая; а, во-вторыхъ, вотъ вамъ узелокъ,—здѣсь за цѣлый годъ

жалованье да кое-какіе припасы...

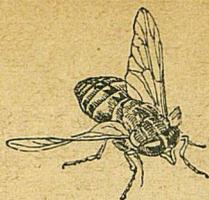
— Ну, что жъ, пускай ихъ ѣдутъ, а тебя не отпущу!.. Ну, вы поѣзжайте, что ли; я за васъ выкупъ беру—божью коровку!..

— На здоровье!—проворчалъ графъ, усаживаясь въ каретку.—Она и то отдавила мнѣ пятую лапку и отсидѣла кончикъ надкрылья... и еще умывается, негодная!..

Улитка рванула каретку и поползла дальше.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Родное.

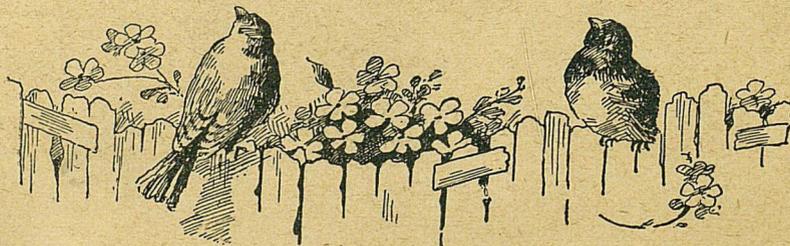
В АШУМЪЛЪ на косогорѣ
Въ вешнемъ радостномъ уборѣ
Молодой лѣсокъ
И зоветь меня съ поклономъ—
Подъ своимъ шатромъ зеленымъ
Отдохнуть часокъ.

То-то любо на просторѣ
Въ зеленѣющемъ уборѣ—
Листьевъ молодыхъ!
Даже елочки съ сосною
Жизнерадостнѣй весною!
А вокругъ-то ихъ—

Изъ травы глядятъ и кашка,
Незабудки и ромашка
И подсиѣжникъ голубой;
И аютины есть глазки...
Все вокругъ живыя краски
Взоръ ласкаютъ мой.

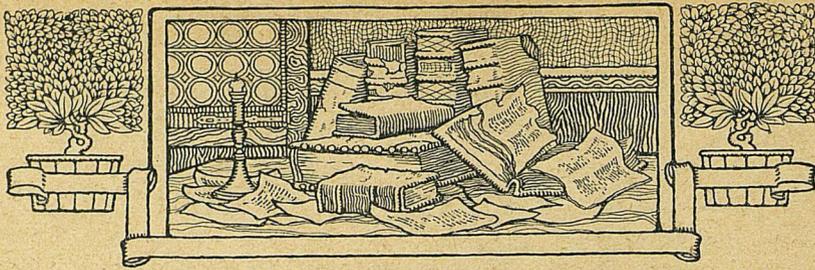
Отдыхаю на свободѣ;
И, дивясь родной природѣ,
Полонъ свѣтлыхъ думъ,—
Радъ я цѣлыми часами
Любоваться небесами,
Слушать вешній шумъ!

Р. Гавриловъ.

„Покупайся, куколка, не капризничай!“...

Царевъ кречеть.

Историческій разсказъ.

(Окончаніе. См. № 11).

СПИТЬ Тришка и видитъ вдругъ, что яркое-яркое сіяніе озаряетъ глухую дрѣму вѣкового бора, словно солнышко вышло среди полночи на небо сызнова...

И слышитъ Тришка звонъ, — да нѣжный, переливчатый такой звонъ... И словно сверху откуда-то серебряной волной льется онъ и звенить, и манить Тришку взглянуть вверхъ...

Спитъ Тришка, а самъ смекаетъ: — „Это кречета царскаго колокольцы“ .. И радостно стало у него на душѣ... Хотѣлъ онъ вскочить на ноги да бѣжать; обернулся — и обомлѣлъ...

Изъ глухой чащи выѣзжаетъ, весь озаренный яркимъ сіяніемъ, богатырь на бѣломъ, могучемъ конѣ. На груди его такъ и блещутъ доспѣхи, на плечахъ — бархатное корзно (плащъ) накинуто... На рукахъ у него рукавицы бѣлыя, золотомъ расшитыя; и держитъ онъ на поднятой рукѣ — кого же? — да царскаго кречета Адрагана!..

Дыханье сперлось въ груди у кречетника; страшная радость охватила его всего и, казалось, задушить его хотѣла...

— „Трифонъ, — сказалъ богатырь, — иди на Москву, къ Лазареву урочищу, — тамъ на соснѣ найдешь царскаго кречета“...

Только Тришка бросится къ нему хотѣлъ, какъ все пропало — и свѣтъ ясный, и богатырь чудесный на бѣломъ конѣ, и Адрагант... Только легкой, нѣжный звонъ серебряныхъ коло-

кольцовъ все еще слышится, все манить его, замирая тихо-тихо...

Вскочилъ кречетникъ, глаза протираеть, озирается... Ой, горюшко,—все-то это былъ сонъ!.. И снова мучительная тоска охватила бѣдняка. Сѣлъ онъ и пригорюнился подь сосной...

„Господи,—думаетъ,—Ты ли меня утѣшаешь, или искушеніе посылаешь мнѣ передь смертью?“...

И вдругъ вскинулся весь... Бросился къ коню, дрожащими руками кое-какъ осѣдлалъ его, взнуздаль, вскочилъ на него и погналъ изъ лѣсу... Отдохнувшій конь подхватилъ его и бурей понесся сквозь чащу еще спавшаго бора... А Тришка дергалъ поводъ, понукалъ его пятками, и послушный конь мчался вихремъ и вскорѣ вынесся изъ лѣсу на лужайку, а оттуда на проселокъ; и вскорѣ облака пыли окружили и его, и бѣшено мчавшагося по дорогѣ всадника...

Занималась заря, вставало солнце,—и ясный, погожій день, словно охорашиваясь, медленно пробуждался... А вдали сверкали на солнцѣ золотыя маковки московскихъ церквей и соборовъ...

Глухое мѣсто было въ то время Лазарево урочище... Высокія, угрюмыя сосны только глухо шумѣли своими темно-зелеными, курчавыми вершинами... И когда Трифонъ-сокольникъ примчался сюда,—онъ самъ сперва удивился, почему онъ очутился тутъ.

„Зачѣмъ сюда кречету залетѣть?“—думалъ онъ, медленно проѣзжая между сосенъ и пытливо взглядываясь вверхъ...

И вдругъ онъ словно окаменѣлъ, изо всей силы натянулъ поводья и осадилъ уставшаго коня...

Сонъ это или нѣтъ?.. Спать, можетъ-быть, онъ все еще и видитъ во снѣ небывалое счастье... Онъ протеръ глаза руками... Нѣтъ... Господи!.. Неужели?..

Надъ нимъ, на корявой вѣтви искривленной непогодами

сосны полусидѣль, полувисѣль¹ бѣлый кречеть, отчаянно и беспомощно хлопая мощными крыльями...

„Да чего же онъ не летить-то?“ — подумаль Тришка и вдругъ кубаремъ скатился съ коня, бросился къ соснѣ и зацѣпался по ея стволу...

— Э, вонъ оно что!.. — крикнуль онъ внѣ себя отъ восторга, взлѣзая въ уровень съ тѣмъ сукомъ, на которомъ беспомощно бился Адраганъ. — Ахъ, ты бѣдняга!..

Золотая цѣпочка на ногѣ кречета крѣпко застряла въ трещинѣ сука, и кречеть не могъ вырвать ее; а какъ цѣпочка была коротка, то и не могъ онъ уцѣпиться на сукъ...

Быль вечеръ, когда Тришка прискакаль на взмыленномъ конѣ въ Александровскую слободу... Онъ несся вихремъ, высоко поднявъ руку, на которой смирно сидѣль бѣлый кречеть съ красной шапочкой, надвинутой ему на глаза.

Онъ подскакаль къ сокольничьему приказу и кулакомъ отчаянно застучаль въ ворота... Выбѣжали сокольники и кречетники и глазамъ не вѣрятъ.

— Да никакъ это Тришка?..

— Онъ и есть!..

А Тришка и плачетъ, и смѣется, невѣдомо что говорить.

— Братцы, братцы!.. Вотъ вѣдь счастье-то!..

Обрадовался несказанно и бояринъ Патрикѣевъ, какъ явились къ нему съ радостнымъ извѣстіемъ сокольники. Перекрестился онъ и со слезами сказалъ:

— Слава Создателю, а то и голова кругомъ пошла. И Тришка пропаль, и кречета не стало... И не чаяль я радости такой...

И когда призваль онъ къ себѣ Тришку, — подаль ему мошну съ золотыми и говорить:

— Вотъ тебѣ, добрый человѣкъ, и моя доля... Прими отъ меня на часовню. Тезки мы съ тобой; обоимъ бы наказаніе нести пришлось, да Господь не попустиль...

И многіе подавали Трифону сокольнику; а самъ онъ весь заложился и все складываль въ казну на часовню.

Прошелъ годъ, другой, и на Лазаревомъ урочищѣ, между заставами Бутырской и Крестовской, вблизи Марьиной рощи, появилась маленькая, срубленная „въ лапу“ часовенка во имя угодника Трифона Напруднаго. На стѣнѣ ея была икона на-малевана: ѣдетъ св. Трифонъ на бѣломъ конѣ, руку поднялъ, а на ней бѣлый кречетъ сидитъ...

И мало-по-малу стало много народу ходить въ эту далекую часовенку... Несли сюда горе свое всѣ обремененные жизнью, всѣ тоскующіе, всѣ нуждающіеся. Шли они сюда, прося защиты у угодника, и молились ему.— „Онъ-де, угодникъ Господень, простымъ сокольникомъ не погнушался, его горе примѣтилъ да изъ бѣды вызволилъ“...—И несли бѣдные люди свои копейки сюда, на часовню, а когда старая часовенка обветшала,—новую возвели...

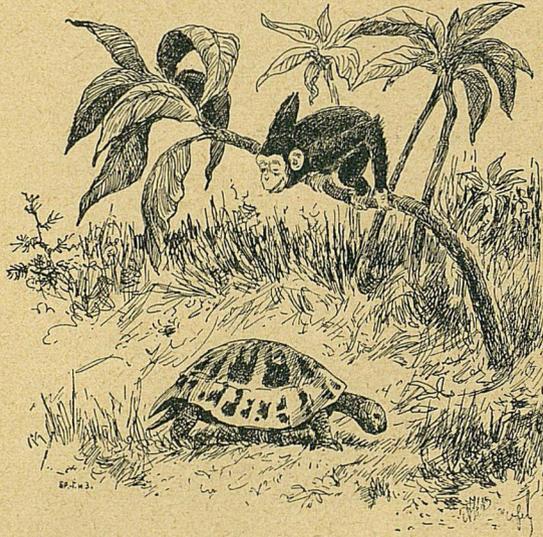
И теперь на томъ мѣстѣ стоитъ богатая церковь Трифона Напруднаго, и въ ней есть огромная икона св. Трифона, какъ онъ явился сокольнику во снѣ: на бѣломъ конѣ, съ бѣлымъ кречетомъ на поднятой рукѣ... И до сихъ поръ въ народѣ живетъ вѣра въ покровительство св. Трифона всѣмъ бѣднымъ, нуждающимся людямъ въ самомъ безвыходномъ и стѣсненномъ положеніи...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

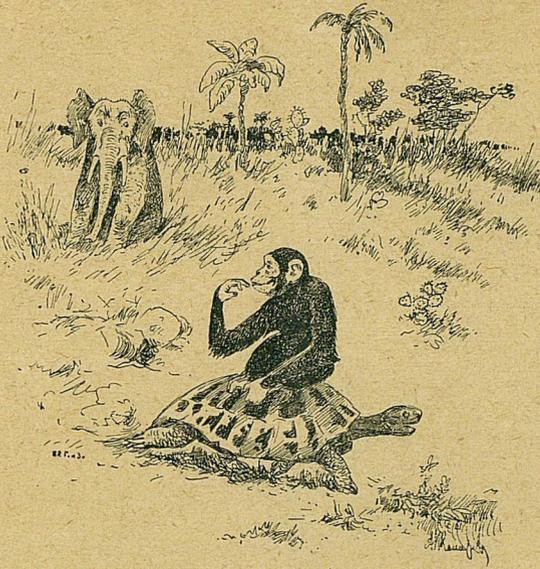

Не трогай!..

ОБЕЗЬЯНКА увидела
Черепашу и сказала:
— „Вот удобный экипаж!“
— „Да,—промолвилъ слонъ,—еще бы:
„Прокатись на ней, попробуй,—
„Такъ проучить, что шабашъ!“...
Обезьянка не зѣвала,
Черепашу осѣдлала,
Какъ лихой жокей сидить...

Черепаша разсердилась:
— „Уходи ты, сдѣлай милость!“...—
Недовольно говорить.
Измучился слонъ неволью,—
А мартышка тѣмъ довольна...
— „До свиданія!—кричитъ,—

„Бду я въ Москву, въ звѣ-
ринецъ,
„Привезу вамъ всѣмъ гости-
нецъ,
„Черепашѣ же —
сѣдло!“ ...

Черепаша злится, злится,
И пыхтитъ, и къ пруду
мчится

Да скорѣй — бул-
тыхъ въ него...

Всему дѣлу тутъ и крышка:
Не пристала бы мартышка
Къ черепашѣ ни съ
чего, —

Не пришлось бы ей купаться,
Лѣзть при всѣхъ въ глубокой прудъ,
Не пришлось бы подвергаться
Злымъ насмѣшкамъ тамъ и тутъ.

ПОТЪШНАЯ СТРАНИЧКА.

ШУТКА.

Заяцъ. Берегись меня, несчастный! Брось ружье! Прошло то время, когда зайцы боялись васъ. Я тоже получаю третій годъ «Свѣтлячка» и такъ начитался тамъ о храбрыхъ зайцахъ, что чувствую себя необычайно мужественнымъ!.. Долой, трусость!.. Знай нашихъ!..

РУЧНЫЯ ТѢНИ.

Козликъ.

Волкъ.

Кошка.

(Игра).

Дѣти собираются въ просторномъ мѣстѣ и выбираютъ изъ своей среды одного, отличающагося ловкостью и проворствомъ, и поручаютъ ему роль кошки.

Кошка тщательно прячется за деревомъ или кустомъ, стараясь остаться незамѣченной товарищами.

Послѣдніе по сигналу одного изъ старшихъ бросаются во всѣ стороны для разысканія кошки; кошка же отъ времени до времени мяукаетъ, давая знать о своемъ присутствіи, и быстро прячется, чтобы не быть открытой.

Игру продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока кошка не будетъ найдена. Тогда по жребію назначаютъ другую кошку.